75 лет
со дня рождения
В. В. Маяковского

ВЕНОК ПОЭТУ

СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

А. СУРКОВ, В. ПЕРЦОВ, С. ОРЛОВ, А. ИОНИНАС, В. ЦЫБИН, М. МАЧАВАРИАНИ

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Влияние В. Маяковского на поэзию многих стран мира огромно. Книги советского поэта постоянно переиздаются за рубежом.

В Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии выходят собрания сочинений Маяковского, отдельные сборники его стихов. В творчестве крупнейших поэтов этих стран переводы произведений Маяковского занимают видное место. Габор Гараи, Христо Радевский, Димитр Методиев, Николай Антонов, Иржи Гауфер, Радован Зогович и многие другие мастера слова социалистических стран познакомили соотечественников с поэзией Маяковского.

В двадцатом году «Левый марш» был переведен на чешский язык, и с той поры лучшие представители культуры братской страны испытывали заметное влияние поэзии Маяковского. Поэт Станислав Нейман писал, что творчество Маяковского воспринималось революционными писателями Чехословакии как непосредственное

ВЕКАМ ИСТОРИИ И МИРОЗДАНИЮ

Большой художник, платя дань веку, творит для вечности. «Я к вам приду в коммунистическое далеко...» — уверенно сказал Маяковский в своем вступлении к поэме о пятилетке. И хотя он тут же признавался: «И мне агитпроп в зубах навяз...», но, создавая свое художественное и общественно-политическое завещание — а именно им стало «Во весь голос», — Маяковский показал, каких необыкновенных художественных высот может достигнуть современная политическая поэзия. «Мы открывали Маркса каждый том, как в доме собственном мы открываем ставни...» — восторженно вспоминал он дни юности и с гордостью итожил свой творческий путь: «...я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек». Это написано по велению сердца, и это стало образцом современного поэтического искусства.

Наследие большого писателя живет в поколениях, живет, и изменяется, и растет, и осмысливается по-новому, поворачиваясь к солнцу событий то одной, то другой своей стороной. Маяковский сейчас и тот, и не тот, каким знали его современники, те, которым посчастливилось быть рядом с ним и довелось стать участниками его литературных дел. «Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлана-главаря!» — вот его кредо, которое чаще всего с полным основанием цитируется и повторяется. Но в отрывках той же поэмы, оставшейся незаконченной, «горлан» обращался к любимой:

Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

Маяковский огорчался по поводу недостатка в нашей поэзии того, что Горький называл «эмоциональной грамотностью». Автор «Про это» звал «к деланию стиха так, чтобы он внедрялся в тот участок мозга, сердца, куда иным путем не влезешь, а только поэзией».

Маяковский-трибун и Маяковский-лирик. Трибун любви и лирик революции. В его искусстве одно невозможно без другого. Лирическое для него — «история и мироздание», а не только любовь. Эта «стыковка» характерна вообще для поэзии нашей советской эпохи, а не только для одного Маяковского. Но вот с такой естественностью, как у него, пожалуй, нет ее ни у кого. Он чувствовал себя запросто в космосе коммунистической эры, на выходе из корабля современности в открываемый космос...

«Разговор с товарищем Лениным» — какая в этом разговоре с самим собой открытость, и чистота, и готовность к самоотдаче «не по службе, а по душе».

И вот другой разговор с самим собой — о любви, но это и разговор со всем миром. Как издевался Маяковский над «болоночьими лириками», как обосновывал, если можно так сказать о поэтическом образе, крепость личного чувства той закалкой идеи, которую дает борцу революция:

В нашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.

Опыт Маяковского раздвинул границы поэтического. В бурях XX века, в эпоху слома капитализма и перехода к социализму возник этот удивительный талант, органически слившиий политику с лирикой. Революция призвала Маяковского к новаторству. Он хотел участвовать своим поэтическим словом в пересоздании мира. Это была огромной трудности задача, в решении которой поэт знал не только победы. От сложности своих ранних вещей он шел к углубленной простоте. Он шел трудными путями исканий и опытов, стремясь воплотить новое содержание, которое несла революционная эпоха, в новой форме. В 1918 году вышел стихотворный сборник «Ржаное слово», составленный Маяковским и его друзьями. Это было одно из первых выступлений молодых поэтов после Октября. Предисловие к «Ржаному слову» — «революционной хрестоматии футуристов» — написал А. В. Луначарский. Выделяя в нем Маяковского, он отмечал: «...от их задорного, яркого, хотя подчас и причудливого искусства — веет родным нам воздухом мужества, удали и шири».

Это был воздух Октября, России, русской революции. В эту почву уходили корни Маяковского. Великий национальный поэт вырастал вместе со своим народом в борьбе за идеалы Октября.

Маяковский был лидером художественного течения и литературной группы Леф. Он любил работать не в одиночку, а вместе с единомышленниками, артелью. У лефовцев были свои эстетические предрассудки, которые накладывали отпечаток и на творчество Маяковского. Теория Лефа и возбуждала, и осложняла развитие его могучего реалистического таланта. В последние годы своей жизни Маяковский вышел из Лефа, провозгласив задачу «целиком идти к массовому читателю, закрыв за собою двери самодовлеющей лаборатории слова...», подверг решительной критике существование «литературных группировок и высосанных из пальца деклараций».

Его литературно-политическое чутье не обмануло его. Через два года после его смерти партия ликвидировала РАПП и другие литературные группировки. Горькому поручила партия создание единого Союза писателей. В осознании кризиса группировок Маяковский опередил своих товарищей по Лефу и самым близким образом совпал с Горьким. Но Леф был неоднородным. Не разобравшись в этом, нельзя понять место и роль поэта в литературной борьбе тех лет. Маяковский жил трудно, но в литературе он был нападающим. К сожалению, этого понимания, как и понимания всей сложности литературной борьбы Маяковского, недостает статье, появившейся не так давно в журнале «Огонек» и названной «Трагедия поэта».

При всей противоречивости лефовского движения оно в известный период содействовало перестройке художественной интеллигенции, и партия поддерживала его, как и некоторые другие литературные группировки. В среде Лефа у Маяковского были истинные друзья. Без опоры на них, увлеченных его примером и веривших в него, Маяковскому было бы труднее утвердить себя в этом серьезном, хотя, по выражению Луначарского, «подчас и причудливом», новаторском художественном движении, которое складывалось в советском искусстве под знаком революции. И первое имя, которое нужно назвать рядом с Маяковским, — большой поэт Николай Асеев. В 1927 году Асеев писал:

Довольно ходить
поколению с соской!
В ответ на язвительный
старческий смех
мы нянькам ответили:
«Наш — Маяковский,
с бульвара
плечьми
протолкавшийся в век».

Маяковский любил Асеева и отдавал ему должное как соратнику. С большой человеческой теплотой, с юмором прозвучали в знаменитом стихотворении, посвященном Пушкину, слова о поэте-современнике, ставшие широко известными: «...Есть у нас Асеев Колька. Этот может. Хватка у него моя».

Но дружба в литературе — не идиллия. Литературное движение, прокладывающее путь к новому по целине — а ведь именно таким было становление советской литературы, — процесс сложный, противоречивый. Споры и конфликты, которые иногда вспыхивали с большой остротой у Маяковского с его друзьями, вели к одной цели — найти лучшую дорогу для «...перехода работы наших писателей на коммунистическую направленность...» Так об этом сказал Маяковский.

В автобиографии «Я сам» Маяковский вспоминал, как он собирал людей вокруг себя: «Приехали с Дальнего Востока Асеев, Третьяков и другие товарищи по дракам». Но едва ли не менее серьезные «драки», чем со своими литературными противниками, возникали у Маяковского с Сергеем Третьяковым — замечательным мастером очерка, талантливым публицистом и драматургом, по поводу одной из догм лефовской теории — «литературы факта». У Маяковского был вкус к факту, он любил работать с конкретным материалом. Но Маяковский был всегда в движении. И вскоре он восстал против догмы. Недаром он призывал художника попить «из реки по имени — «Факт», — из реки, а не из лужи застоявшейся воды. В своей творческой практике Сергей Третьяков отходил от «литературы факта» к творческому воображению, создав, например, на основе злободневных событий в революционном Китае, поднявшемся против колониалистов, первый в советской литературе опыт документальной драматургии — пьесу «Рычи, Китай!», которая обошла сцены едва ли не всего мира, от Берлина до Нью-Йорка. Но в теории Третьяков «упирался», хотел остаться «последовательным». Он горячо спорил с Маяковским, оставаясь его страстным приверженцем в искусстве, работая совместно с ним над некоторыми агитационными произведениями.

Когда Маяковский объявил о своем выходе из Лефа и стал вместе с Асеевым подготовлять Реф («Революционный фронт искусства»), он оставил в «оппозиции» Третьякова. Но вскоре положение повторилось в измененном виде: Маяковский вступил в РАПП, оставив теперь в «оппозиции» (с разных сторон) и Третьякова, и Асеева... Нелегко быть в литературе другом гения. Не нужно и дружбу в литературе представлять себе, как мирную идиллию. К действительным отношениям товарищества и совместной работы с Маяковским это никак не подходит.

Маяковский был нападающим в соревновании за «переход работы наших писателей на коммунистическую направленность». Эта принципиальная идейная позиция стоила ему немало в условиях жестокой литературно-политической борьбы тех лет. Многие сводили с ним счеты. Критика в своем большинстве не смогла разобраться в огромном художественном значении поэта-новатора, «прорабатывала» его мелочно и оскорбительно. Все это — печальные факты, которые в советском литературоведении изучены и освещены. Но тем более важно отдать должное той части нашей критики, которая восторженно поддерживала поэта на всем протяжении его творческого пути. Немало было и значительных, думающих людей, которые, будучи ошеломлены таким новаторским явлением, как поэзия Маяковского, со всей доброжелательностью стремились разобраться в ней. Достаточно назвать здесь одно имя — имя А. В. Луначарского, который еще в 1923 году относил поэму «Про это» к числу тех произведений советской литературы, о которых можно говорить с гордостью, а в 1927 году дал классическую характеристику поэмы «Хорошо!»: «Это Октябрьская революция, отлитая в бронзу».

Правда, и он признавался уже после смерти Маяковского, что не мог понять его во всем его значении.

Говоря о роли Маяковского в литературной борьбе тех лет, необходимо подчеркнуть, что у него были истинные друзья и в самом Лефе, и вне всяких литературных школ и группировок. Разумеется, не стоит при этом отстаивать преувеличенные групповыми оценками иные дилетантские литературные репутации. Маяковского-художника нельзя понять вне той дружественной среды, которая вместе с ним искала новых путей в искусстве. В те годы Маяковский стал знаменем целого могучего течения, объединив вокруг себя многих талантливых поэтов, притягивая в свое «магнитное поле» таких оригинальных мастеров разных искусств, как Эйзенштейн, Довженко, Мейерхольд, Шостакович, Кукрыниксы... Энтузиасты нового мира, крупные индивидуальности, они хотели быть новаторами в решении идейно-художественных задач, которые ставили перед ними партия, Советская власть. «И мы реалисты, но не на подножном корму, не с мордой, упершейся вниз...» — провозглашал Маяковский. В его искусстве поэтика реализма была восстанием против натурализма; питаясь соками фольклора, она широко обращалась к фантастике, к гротеску, искала новых приемов мастерства, отражающих лиризм нового общественного человека.

Величие поэтического подвига Маяковского в том, что, отдав «всю свою звонкую силу поэта» атакующему классу, он двинул вперед и русскую поэзию, сделал новый шаг в художественном развитии человечества.

Образ Советской страны и ее людей, созданный Маяковским, возвеличивает смелых разведчиков жизни, идущих навстречу всем и всяческим препятствиям и умеющих их преодолевать:

...День наш
тем и хорош, что труден.
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед, буден.

Все творчество Маяковского и было такой великолепной песней, которая будет звучать и в том «далеко», зовя людей к творчеству, подвигу...

В. ПЕРЦОВ

КАК ЖИВОЙ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

принятой им с первого дня великой Революции большевиков.

Это он, первым из российских поэтов и писателей, к которым молодая Советская власть обратилась с призывом о сотрудничестве, явился в Смольный, чтобы отдать делу строительства будущего коммунизма всю силу своего сердца и таланта. Это он в одном ряду с немногочисленными тогда первыми поэтами революции взвалил на себя бремя «чернорабочего» труда агитации и пропаганды и в голодные, тревожные годы гражданской войны работал кистью и пером над плакатами «Окон РОСТА». Это ему принадлежит высокая честь быть создателем первой советской пьесы — «Мистерии-буфф», положившей начало революционному театру.

В то время, когда благожелательному знатному иностранцу Герберту Уэллсу Россия казалась страной, лежащей во мгле, он писал свое бессмертное «Необычайное приключение...», полное неистребимого оптимизма.

Строки:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

— вошли в сознание миллионов людей, как эпиграф ко всему послеоктябрьскому творчеству Маяковского и даже шире — как эпиграф ко всему подлинно революционному, подлинно советскому, что создала наша многонациональная поэзия за октябрьское полустолетие.

Двадцатилетний литературный путь поэта не был усыпан розами. С первых же шагов в литературе ему пришлось, в жарких боях с литературными и политическими противниками, отстаивать право на читательское внимание, право на разговор с новым, лишенным радости приобщения к сокровищам поэзии, массовым читателем.

Среди противников Маяковского были и такие литераторы, которые понимали, что новаторство поэта, его мироощущение художника, «революцией мобилизованного и призванного», в корне противоречило и их ветхому эстетическому кодексу и скрытому недоброжелательству к новому строю народной жизни.

Были среди противников и откровенные политические ренегаты. Отвергая принятый партией курс на строительство социализма, они противопоставляли футуризм и индивидуализм дореволюционного Маяковского его революционной роли в советской уже поэзии, откровенно принижая эту роль. Приходилось Маяковскому полемизировать и с ошибочными лозунгами конструктивистов, и с догматическими перехлестами его союзников в борьбе за новую литературу — пролетарских писателей. Да и среди тех, кого сам он считал соратниками по Лефу и Рефу, с годами все глубже обозначались расхождения ведущего с ведомыми, вызвавшие в конце концов разрыв и уход Маяковского.

С тех пор прошло уже тридцать восемь лет. И каких лет! Можно удвоить и учетверить эти четыре десятилетия — так много в них было событий, решавших и решивших судьбу нашего общества и в значительной мере предопределивших развитие истории всего человечества.

И на строгой проверке временем стих Маяковского героически выдержал испытание на прочность. Конечно, время выветрило кое-что из того, что было написано в спешке текущих событий, написано, как говорил сам поэт, — на талере, в типографии. Повыветрилось и то, что было естественной данью бурной поэтической юности, от которой Маяковский уходил все двадцать лет своей литературной жизни и ушел, прорвавшись к новаторской ясности лучших послеоктябрьских произведений.

Уже давно лишь в сносках к главам истории советской литературы упо-

НЕИЗВЕСТНЫЙ «ТЕАТРАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ»

«Манифест театра! В начале новой эры мы — люди, создающие новый тип человека.

Нет ни материала, ни меры, с которой можно было бы приступить к этой жизнеутверждающей работе.

Новое искусство динамичной силой кричит в новорожденном мире.

Необходимо создать массовое искусство!

Коллективное единство!

Это осуществляет прежде всего театр!

Новое театральное искусство объективно и материально.

Так должен зародиться новый жанр, единство которого основывается на строгой конструкции.

А театр не что иное, как конструктивная игра, сгущенная в единственную возможность.

За новое театральное искусство!»

Этот неизвестный до настоящего времени текст Маяковского был опубликован в № 10 журнала «Венгерская литература» за 1926 год.

Упомянутый номер журнала был посвящен театру современной Европы. В статьях этого номера впервые в Венгрии была дана объективная характеристика театральной жизни Советской России.

Маяковский в это время боролся за создание монументального и коллективного театрального искусства.

Ференц БОТКА
БУДАПЕШТ

ЧЕЛОВЕК РЕВОЛЮЦИИ

То, что Маяковский давно и широко известен за пределами нашего Отечества, ни для кого не новость.

Однако это обстоятельство поражало и обжигало меня новизной каждый раз, когда я встречался с поэзией Маяковского, звучащей на незнакомом для меня языке. Чужой, иноязычный мир вдруг становится ближе, понятней — при всей своей неповторимой и незнакомой конкретности.

«Маяковский!» — говорили люди далекой страны, и это каждый раз звучало как отзыв в ответ на произнесенный тобой пароль — на слова о том, что ты литератор из Советского Союза.

Это было, когда мы, советские писатели, несколько лет назад в Ханое зашли в маленькое кафе выпить чашку кофе со своими друзьями, вьетнамскими писателями. У входа росли пальмы, в жаровнях на углях пеклись початки кукурузы, поблескивали металлом уткнувшиеся в стену велосипеды. В кафе за низкими маленькими столиками сидели молодые парни и девушки. И когда мы устроились всей компанией и попивали кофе, начался разговор с незнакомыми нам вьетнамцами. Им было понятно с первого взгляда, что мы — советские. А когда было сказано, что мы писатели, в ответ прозвучало — Маяковский!

Я слышал о нем и на другом крае материка, в английском городе Лидсе от студентов университета. На конкурсе школьников, изучающих русский язык, звучали стихи современных советских поэтов,— и это сделал Маяковский...

Маяковский пришел в страны мира вместе с вестью о нашей революции, о нашем образе жизни, он рассказывал о Советской стране правду так ярко, как это может сделать только поэзия.

Маяковский — великий землепроходец. Там, где прошел он, сегодня встречаешь современную нашу поэзию. Он прокладывал и прокладывает дорогу ей.

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Это обращение — не декларация, не поза, оно естественно выражает суть жизни Маяковского в поэзии. Он мог на «ты» разговаривать с лошадьми, городами, с пароходами, с самим солнцем. Он мог объясняться в любви к женщине вечными словами так, что их можно прокричать на весь мир, при этом даже тенью не задев женского целомудрия.

Он был непримирим к врагам, к злу и пошлости. Во имя человека он свирепо боролся со всем, что мешает жить и строить. И удивительной нежностью и добротой к человеку полна его поэзия. Предельная открытость и незащищенность в нем, большом и громогласном, поразительна.

Отдавший все свои силы, весь свой талант борьбе за новую жизнь, он настаивал, просил, требовал: «...Нельзя на людей жалеть ни одеяло, ни ласку».

Для меня Маяковский, все его поэтическое творчество, весь он — это и есть гордый человек Революции.

Сергей ОРЛОВ

Этот карандашный портрет Владимира Маяковского сделан с натуры Алексеем Левиным в последние годы жизни поэта и хранился у художника среди многих других рисунков, посвященных Маяковскому.

А. С. Левин — один из ближайших соратников поэта по «Окнам РОСТА» в 1919—1921 гг. Он многие годы был дружен с Маяковским, однако так и не опубликовал свои воспоминания. Они остались в архиве художника, умершего в прошлом году.

А. С. Левин был крупнейшим мастером советского оформительского искусства.

Публикацию подготовили
Л. КРАШЕННИКОВА
и Л. КЕЙДАН

НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ ПОЭЗИИ

Первая моя беседа с ним состоялась жарким летом 1944 года... В общежитии одной каунасской школы, где я тогда жил, разместилась небольшая группа бойцов Советской Армии. Мы, старшие школьники, скоро подружились с ними. И однажды под вечер меня пригласили на скромный офицерский ужин. Все мы были веселы, взволнованы, настроение было приподнятое. Несколько дней назад из Каунаса были выбиты последние захватчики, и советские войска готовились к дальнейшему броску на Запад. Предчувствие близкого конца войны, гордость за Советскую Родину, за советский народ — все это переполняло наши сердца.

И вот один молодой офицер, поднявшись из-за стола, вышел на середину комнаты и прочитал замечательные «Стихи о советском паспорте». Читал он с вдохновеньем, со страстью, полный неподдельной любви и веры каждому слову поэта. И хотя я слабо еще знал русский язык, сразу почувствовал, какая богатырская сила, какой кипучий темперамент заключены в каждой стремительной строке этого стихотворения!

Позже, когда я стал писать сам и включился в жизнь молодой советской литовской литературы, я заметил, что дух поэзии Маяковского давно животворно влиял на прогрессивную революционную поэзию Литвы, влиял своими идеями и своей динамичной агитационной формой. Любовь к Родине, гордость за советского человека, свойственные творчеству Маяковского, ярко проявились уже в первый год возрождения Советской Литвы (1940—1941) в стихах Саломеи Нерис, особенно в ее патриотической поэме «Путь большевика». Стихотворения расстрелянного фашистскими захватчиками литовского поэта Витаутаса Монтвилы в те годы были пронизаны подлинной силой слова — как у Маяковского, — страстной верой в победу коммунизма. Именно за эту силу и бескомпромиссность стихи Монтвилы полюбились трудовому литовскому люду.

Можно смело сказать, что не было ни одного нашего поэта, который не ощущал бы на себе живительного влияния Маяковского. Творчество трибуна революции стали переводить на литовский язык. Особенно большая заслуга в этом принадлежит народному поэту Литвы Т. Тильвитису, к которому позднее присоединились Ю. Мацявичюс и другие.

Э. Межелайтис, В. Мозурюнас, В. Грибас, Ю. Мацявичюс — каждый посвоему развивал традиции Маяковского в те исторические для литовского народа дни, когда в огне жестокой классовой борьбы создавалась новая, социалистическая Литва.

В своих творческих исканиях мы постоянно обращаем свой взгляд на светлое, вечно юное лицо поэта. И, вероятно, для беседы с таким поэтом необходимы стихи. Одно из моих стихотворений, которое для меня особенно дорого, так и называется «Беседы с Маяковским». Отрывок из него в переводе Н. Злотникова и Ю. Григорьева я позволю себе привести ниже.

Владимир Владимирович,
где Вы?
Сойдите скорее
с портретов.
Вы знаете нашу эпоху,
Всех залежей переворот.
Хотелось бы видеть Вас
иначе
И в шумном отряде поэтов:
Необходимо народу
Ваше перо...
Чтоб песня, как бич,
хлестала
По трусости и по низости,
Рутину и пустословие
Рассеивая, как мрак.
Чтоб слово стиха
сверкало
У крутых берегов
коммунизма,
Правдиво и неустанно,
Словно маяк.
Да, Владимир
Владимирович,
Время сойти
с портретов!
На правом фланге
поэзии
Сражаться Вам
не впервой.
Сейчас, когда время плугом
Разворачивает планету,
Народу необходимо,
Товарищ, Ваше перо.

Антанас ИОНИНАС
ВИЛЬНЮС

воплощение в поэзии идей Октябрьской революции.

Глубоки связи болгарского революционного искусства с творчеством советского поэта. В Болгарии вышло около двадцати изданий произведений Маяковского. Событием в болгарской литературе стал перевод «150 000 000», сделанный Гео Милевым в начале двадцатых годов. Писатель Богомил Райнов вспоминает: «В 1938 году я получил из Москвы поэму «Владимир Ильич Ленин». Поэма Маяковского не могла остаться только моим достоянием. Она переходила из рук в руки... Можно представить, какой долгий путь через человеческие души проделала эта книга».

С творчеством В. Маяковского связаны имена польских поэтов Юлиана Тувима, Владислава Броневского — соратников и единомышленников советского писателя. «Навсегда слился для меня Маяковский с Октябрьской революцией»,— писал Юлиан Тувим.

Произведения поэта читают с эстрады, их ставят в театре, его стихи положены на музыку. «Левый марш» в исполнении Эрнста Буша стал боевой песней трудящихся всего мира. Сегодня на сценах ГДР идут пьесы В. Маяковского, большими тиражами выходят его книги. В Будапеште готовится юбилейное издание сочинений советского поэта.

Во весь голос, на всех языках звучат строки Владимира Владимировича Маяковского.

С ЖИВЫМИ...

минаются имена тех, кто отказывался признать поэзией поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» и называл лозунговым пустозвонством гениальную публицистическую лирику Маяковского. А произведения поэта из года в год все шире звучат в стране, строящей коммунизм, передаваясь по эстафете от одного поколения строителей нового мира к другому.

На протяжении сорока лет к каждой из десятилетних дат Октября поэма «Хорошо!» продолжала звучать так, как будто бы только-только была написана поэтом. И как ни горько в этом признаваться человеку, пишущему стихи, к пятидесятилетию Октябрьской революции поэма эта оказалась самой сильной и самой актуальной из всего, написанного нами к великой дате.

Сколько копий было сломано и при жизни, и после смерти Маяковского вокруг его пьес «Клоп» и «Баня»! Немало критиков пророчили им забвение сразу же после премьер в театре Мейерхольда. А ныне, на пятьдесят первом году революции, обе эти пьесы живут на сцене советского театра и так же, как сорок лет назад, сражаются с сегодняшними бюрократами и зовут зрителя к борьбе за счастливое и справедливое общество.

Маяковский не был среди нас, когда советская поэзия совершала свой патриотический подвиг в годы Великой Отечественной войны. Но на всем пространстве нашей Родины, на фронте и в тылу, воевал с врагами стих поэта, предупреждавшего еще в двадцатые годы своих соотечественников: «Когда на страну нападут фашисты, обезоруженным не окажись ты!»

И в железном строю советских танков, проторивших путь от Сталинграда и Моздока до Берлина, сражался с врагами танк, на стальной броне которого были начертаны слова «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ».

Сбылась заветная мечта поэта распространиться по стране «летучим дождем брошюр», зазвучать по радио. За пятьдесят миллионов перевалили тиражи его произведений, изданных едва ли не на всех языках народов Страны Советов и едва ли не на всех существующих в мире языках.

Героический опыт поэта-новатора отозвался в творчестве его боевых побратимов — революционных поэтов мира — таких, как Луи Арагон, Пабло Неруда, Назым Хикмет, Никола Вапцаров, Витезслав Незвал, Иржи Тауфер, Христо Радевский, Радован Зогович, Бертольт Брехт, Эрих Вайнерт.

Трудно судить о творчестве любого из по-настоящему талантливых и по-настоящему советских наших поэтов (вне зависимости от того, каким стихом они пишут — мелодическим или интонационно-ораторским), не обращаясь к новаторскому опыту Маяковского. Ведь он завоевал для своих современников и потомков невиданный новый жизненный материал и облек его в новую, соответствующую его революционной природе форму.

Обо всем этом хочется напомнить в связи с семидесятипятилетием со дня рождения великого поэта Октябрьской революции.

Напомнить некоторым из поэтов-современников, которые в наше напряженно-трудное время, когда перемешались и гул великой стройки нового мира, и разрушительные голоса смерти и истребления, уходят в «барские садоводства» интимной псевдолирики, повторяя малопочтенный опыт тех, о ком в строках «Нет на прорву карантина — мандолинят из-под стен...» язвительно и гневно говорил Маяковский.

Это нам, сегодняшним, кому выпало высокое счастье быть участниками, реального строительства нового, коммунистического общества, поэт адресовал требовательные строки: «У нас поэт событья берет — опишет вчерашний гул, а надо рваться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в шагу».

ПОЭТ НА ЭКРАНЕ

Эта лента, посвященная газете «Известия» и запечатлевшая Маяковского, появилась на экранах в 1925 году. Сценарий написали Л. Никулин и А. Дубровский. Ставили картину режиссеры М. Доронин и А. Дубровский.

Лев Никулин рассказал мне, как снимали для экрана Маяковского.

— Мы договорились с Владимиром Владимировичем, что он приедет в редакцию «Известий» — она тогда помещалась на Тверской, где сейчас редакция газеты «Труд». Маяковский сказал, что будет сидеть за столом и писать стихи. А потом на экране должна была появиться крупным планом его подлинная рукопись со строками стихов...

В 1918 году поэт играл главную роль в художественном фильме по инсценированному им самим роману Джека Лондона «Мартин Иден». В этой картине (она называлась «Не для денег родившийся») Маяковский стремился показать зрителям свои стихи с экрана — ведь кинематограф тогда был немым. В сцене, изображавшей «кафе поэтов», Владимир Владимирович поставил черную школьную доску и во время киносъемки писал на ней мелом:

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!..

Какие стихи показал поэт в фильме об «Известиях», установить невозможно: лента не сохранилась полностью. До наших дней дошло лишь несколько кадров, показывающих поэта «делающим стихи» для газеты «Известия».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

МОЙ МАЯКОВСКИЙ

ПЕРВЫМИ поэтами, которых я узнал в детстве, были Пушкин и Маяковский. И слово «поэт» ассоциируется у меня с тех пор с пушкинской вдохновенностью и суровой прямотой Маяковского.

Сегодняшние поэты учатся у Маяковского не только «трибунности», но и той высокой концентрации поэтической энергии, когда каждое слово воссоединено с жизнью. Маяковский стал университетом нашей советской поэзии. И все мы в меру сил и способностей постоянно проходим этот университет.

Очень трудно привыкнуть к мысли, что Маяковский — памятник. И когда я бываю на площади его имени, мне вспоминается, как мы приходим сюда — и старые, и молодые поэты — на вечера поэзии, читаем свои стихи; тогда за нашей спиной стоит не памятник ему, а вся его поэзия — рыцарски открытая и мужественная. Он живет, живет в каждой нашей удаче. Маяковский открыл в поэзии новую эпоху, и поэтому все, что есть у нас, в какой-то степени предопределено им.

В нем счастливо сочетались и новаторство революции, и великий опыт предшествующих поэтов. Мастерство, в котором на первом плане само мастерство, — еще не искусство; путь больших поэтов — это как бы путь освобождения от мастерства. Вулканическая лава застывает на последнем дыхании, на пределе. Вот почему лучшие наши поэты приходят к пушкинской ясности и вдохновенной простоте. И не случайно сказал Маяковский о своем отношении к Пушкину: «Мое стихотворение, посвященное Пушкину, является способом перетряхнуть академика Пушкина и построить такого, о котором человек с некоторым революционным энтузиазмом может говорить, как о своем поэте...»

Только революция могла родить такого поэта, как Маяковский, с полным правом сказавшего о себе и о своей поэзии:

Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!

Солдаты, расписывающиеся на стенах рейхстага, писали: «Я — из Тулы. Иванов», «Я — из Омска. Сидорин». Маяковский написал на обломках старой России: «Я — из революции. Владимир Маяковский».

По Некрасову и Маяковскому мы учимся понимать, что быть поэтом — это призвание, а быть гражданином — долг, что поэтическое «я» всегда больше твоего личного «я» и что ложно стремиться быть больше, чем «мы».

Маяковский мерил мир самим собою. И эта мера была громадной. Его поэзия любит все большое, звонкое, необычное. Великан мыслит по-великаньи: если у него любовь — то любвища, если шаги — то саженьи, а если закат — то во сто солнц. Океан у него — революции младший брат.

Может быть, в силу необыкновенных личных и поэтических качеств, в силу того, что революция рождает особую духовную атмосферу, ему лучше всех и полней всех удалось выразить молодость нашего народа.

Сердце Владимира Маяковского, как радар, было установлено на будущее. «Выволакивайте будущее!» — призывал он, и мы слышим этот призыв.

Владимир ЦЫБИН

ДИАЛОГ С СОЛНЦЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВЕЛИКИЙ грузинский мыслитель Петр Ивер говорил, что дух человеческий материализуется только в слове. Сила духа Владимира Маяковского столь велика, что, обретя словесную материальность, она становится, можно сказать, физически ощутимой, «весомой... зримой».

Маяковский — истинный поэт революции, он сам — революция в истории мировой поэзии. Маяковский относится к числу тех эпохальных поэтов, которые, как Байрон, Уитмен, Пушкин, опоясывают своим властным обаянием весь мир, подобно меридианам на глобусе.

В чем его величие?

В том, что он обращается со своими стихами не к замкнутой касте эстетствующих салонных ценителей, а к той планете, имя которой — Земля.

В том, что всем своим существом, своей натурой, своим обликом, каждым движением и жестом он стремился утвердить читателя и слушателя в той вере, во имя которой жил и творил сам.

Новый мир, мысли и чувства истинного поэта требуют соответствующего воплощения.

Стих Маяковского труден в декламации, он требует широты дыхания, тончайших интонационных нюансов, выразительного жеста, богатой мимики и глубокого звука. Наш замечательный поэт Симон Чиковани вспоминал, что Маяковский считал поэтическое чтение мерилом художественности произведения.

Стих Маяковского всегда естествен и логичен, освещен внутренним светом великой и доброй души поэта, смягчен или заострен — в зависимости от обстоятельств — его улыбкой или насмешкой. Он человечен, этот стих, его лексика и синтаксис максимально приближены к живой, разговорной речи. Его строка звучит особенно выразительно благодаря богатой рифме. А эта рифма, в свою очередь, делает еще более заостренным содержание стиха.

Величественны и прекрасны подлинно великие гражданские чувства, которые определили достоинства поэзии Маяковского. Каждым нервом, каждой клеткой сливаясь со своим творчеством, он сумел сделать поистине поэтическими даже, казалось бы, чуждые для поэзии явления жизни и политики, наделив их лиризмом и интимностью.

Когда я окидываю мысленным взором вершинные творения многонациональной советской поэзии, то ясно вижу, сколь живы и плодотворны принципы, утвержденные в ней Маяковским. Возьмем хотя бы грузинскую поэзию. Мне кажется, что гражданский пафос, широта общественных устремлений и их неразрывность с личным, интимным миром поэта, которые так мощно выразил в своем творчестве Маяковский, ясно прослеживаются, например, в «Стихах о Джоне Риде» и «Эпохе» Галактиона Табидзе, в «Колхиде» Паоло Яшвили, в строках Георгия Леонидзе и Симона Чиковани. Эти завоевания, органично освоенные ими, стали неотъемлемым признаком их поэтического голоса. Тут не может идти речь о простом влиянии или о чем-либо подобном, это было бы несправедливо не только по отношению к нашим большим и самобытным поэтам, но и по отношению к самому Маяковскому. Он никогда не стремился быть «классным наставником», обучающим школяров своим размерам, рифмам, метафорам. Нет, его отношения со всей советской и мировой поэзией и шире, и глубже. Он открыл новый взгляд на мир, новое отношение к нему. Он прежде всего открыл нам свое горячее и отзывчивое сердце, в котором мы и должны черпать для себя честность, верность, доброту и мужество. Так думаю я о нем и так стараюсь писать.

Мухран МАЧАВАРИАНИ
тбилиси